

Ю.В. Иванова

русские люди с мягкими чертами лица, со светлыми, часто голубыми глазами, длинные бороды мужчин, ситцевые рубахи навыпуск, аккуратные платочки женщин, просторные кофты с длинными рукавами, ситцевые фартуки. А главное – приветливый взгляд, доверительная улыбка навстречу незнакомому пришельцу... Русская деревня некрасовских сюжетов! Откуда эта Россия за Кавказским хребтом?

Мы знаем, когда, как и почему их предки оказались здесь, и знаем, наверное более точно, чем сами эти люди, и можем подробно поведать историю их предков, которую они помнят весьма приблизительно. Но каким образом череда поколений сохранила свой облик, понятия и правила, по которым строят жизнь многие десятки лет? Вот эти вопросы занимали этнографов, добравшихся сложными путями до русских сел «за Кавказом». Надо вникнуть в самую человеческую психологию, отстоящую далеко-далеко от нашей собственной.

По существу проблемы такого плана и есть основная задача этнографа. Я начинала работу на Кавказе очень давно – в середине 1940-х годов под руководством Евгения Михайловича Шиллинга. Это был замечательный человек! Когда приближался поезд, везший членов экспедиции, к Кавказу и на горизонте появлялись горы, глаза

Евгения Михайловича загорались особым светом, он весь преображался, предвкушая общение с любимым горным краем. Именно так должен этнограф отдаваться своему делу: без искренней любви, вдохновения нельзя достигнуть успеха. В те времена в Дагестане, где мне довелось провести несколько экспедиционных сезонов (середина 1940-х годов), не было иных способов передвижения, кроме пешего и верхового. И тот, и другой был освоен нами с успехом. Бытовые условия жизни были самые примитивные. Пусть читатели, да и члены экологических экспедиций (действиям которых посвящена настоящая книга), прибывавшие к месту работы на изыскательских машинах, предоставленных автобазой Академии наук, груженных необходимой дорожной утварью и запасом продовольствия, представят как обустривали быт молодые девчонки, располагавшие только той поклажей, которую можно было приторочить к седлу.

Примечательные это были маршруты! Я интересовалась религиозными воззрениями аварцев, пытаюсь проникнуть в самую суть их психологии. Установить доверительные отношения с жителями горных аулов нам удавалось, хотя это было и нелегко: немногие из них в ту пору понимали русский язык (добровольными помощниками и переводчиками нам служили обычно местные учителя). Знание кавказских нравов, особенностей быта и психологии мне очень пригодилось, когда я работала в горных районах (середина 1950 - начало 1960-х годов): советские экспедиции (особенно кавказских и дагестанских) поразили меня.

Не только среди коренных жителей горных районов приходилось мне работать, но и среди переселенцев – греков, расселившихся в Дагестане в начале XIX в. Там приходилось

мание на механизмы адаптации пришельцев к новым для них условиям – в бытовом плане и психологическом приспособлении к соседям – носителям иной культуры.

Таким образом, к задачам этноэкологического исследования я была в какой-то мере подготовлена. В молканских селах было интересно все, что касалось жизни этих впервые встреченных людей с их особыми установками жизни и специфическим религиозными понятиями. Вспоминаю, как во время одного из многих моих путешествий по Югославии я близко сошлась с последовательницами учения известной всему миру Матери Терезы. Знаменитая албанка считала, что даже малая толика добра, внушенная людям, может работать на благо всего человечества. Мне казалось, что я сумела понять моих собеседниц, хотя присоединиться к этому братству полностью мешал, очевидно, чрезмерный рационализм современного европейского мышления. И вот теперь предстояло вникнуть в мир новых принципов и представлений.

Свобода, равенство и братство – это не просто лозунг, это мечта, обуревавшая людей в годы социальных потрясений. Так было в эпоху первоначального христианства. Одна образованная русская женщина, гражданское становление которой пришлось на 80-е годы XIX в. - эпоху народолюбцев и предчувствия революционных сдвигов, говаривала: «Почему большевики отрицают православную религию? Ведь Христос был первым настоящим коммунистом!» Равенство - вот месса, за которой шли православные протестанты. Отрицая официальную церковь как учреждение с ее иерархией чинов и стремлением к накоплению материальных благ и к власти в системе государственного правления, они поняли, с Богом можно и надо общаться напрямую, минуя священнослужителей (в этом их отличие от протес-

тантов католицизма, у большинства которых сложилась своя церковная система). Без иерархии, без ее жесткого порядка возникли, в значительной степени стихийно, секты и толки всевозможных видов и между ними молокане разных направлений, духоборцы, баптисты, прыгуны, субботники и геры, среди которых предстояло работать членам нашей этноэкологической экспедиции, изучавших адаптацию русских в Закавказье. Разбираться в соотношении различных толков приходилось непосредственно на месте, причем важнее всего для исследователя было понять взаимоотношение между членами различных сект, на удивление недружелюбное, и даже между приверженцами одной секты, живущих в разных населенных пунктах.

Первое условие этнографической деятельности – искреннее, непоказное уважение к порядкам жизни исследуемой группы. Прежде всего выяснилось, что молоканские женщины всегда покрывают голову платками, и в первом же населенном пункте нашего маршрута мы с Мариной Мартыновой, работавшей в том же отряде, приобрели белые платочки, без которых не появлялись в молоканских селах.

Русское гостеприимство примечательно для молокан и баптистов: не помню случая, чтобы в конце беседы хозяева дома не усадили меня за стол, особенно если наступало обеденное время. Перед трапезой все стоя выслушивают молитву, которую вслух произносит глава семьи, и лишь после этого садятся за стол. Я – убежденный атеист (крещенный атеист!) почтительно слушаю молящихся: они заслуживают уважения за свои неколебимые убеждения. Слова молитвы меня крайне озадачивают: они переведены на современный язык и для меня теряют сакральное значение. «Отче наш!» – это обращение остается нетронутым. Далее: «Ты, кото-

рый на небесах...» («иже еси на небеси...» – мысленно перевожу я для себя и только тогда ощущаю, что произносится именно молитва). «Пусть придет царство твоё...» («да приидет царствие твоё...»), «Хлеб наш насущный дай нам сегодня...» («даждь нам днесь...»), «И теперь, и скоро...» («и ныне и присно...»). Сакральное в моих ощущениях переходит в профанное, а для богомольцев эти прозаические будничные слова сакрализуются одним своим смыслом, и становится понятным деловой ясный смысл духовной основы секты, которая возводит в добродетель труд, домовитость, честность, трезвость, отсекая все лишнее, суетное. Таков и моленный дом: место беседы с Богом лишено всякой мишуры, которой наполняется православный храм. Требуется только стол, чтобы положить богослужебную книгу, стулья для сидения, коврик для коленопреклонения – и все! Максимальная внутренняя сосредоточенность.

Не тут-то было! Тяга к символам, отличающим сакральное место от повседневного человеческого обиталища, не может не проявиться даже здесь: на столах появляются плюшевые скатерти, на стенах коврики с вышитыми на них изречениями из священного писания. Помещение тщательно вычищено, освещено простыми люстрами, окна украшены кружевными занавесками. Женщины в своих костюмах следуют традиции: одеваются в кофты или платья с длинными рукавами, на ногах чулки, на головах платки.

Однако повседневная жизнь не может остаться за дверью: белые (согласно правилам) платки сменяются цветными – какие в магазинах можно купить, теми и пользуются (старухи ворчат: «меня, пожалуйста, не забудьте, в белом платке похороните!»). Платье можно надеть какое придется и так как далее, и тому подобное. Наивно думать, что новшества только сейчас появились,

в наше стремительно бегущее время. Всегда бывало различие между поведенческой культурой поколений, во все эпохи религиозное рвение было уделом старших возрастов. В Краснодарском крае несколько лет спустя я повстречалась с уроженкой русского села Красная Горка (в Грузии), молельный дом которого сейчас описала (она в свое время выучилась в Тбилиси на учительницу, вышла замуж за учителя-грека, воспринимая его более «своего», чем грузина, и уехала в греческое село). Она рассказывала, что во времена ее молодости (лет за 30 до нашего прибытия в село) молодые девушки ходили в молельный дом по обязанности, устроившись в уголке, рассматривали наряды друг друга (на Пасху принято было шить новые платья), сплетничали. Естественно, что религия - прибежище пожилых людей. Женщины Красной Горки, как и других молоканских и баптистских сел, рассказывали мне, что в молодости не интересовались религиозной сектой, не вникали в ее догматы и дела, а когда состарились, когда дети и внуки разъехались и они остались в одиночестве, задумались о душе и в поисках сообщества потянулись в секту.

Но вот действительное новшество наших дней: численное преобладание в секте женщин над мужчинами. Женщины – эмоциональнее, более нуждаются в защите, в моральной поддержке, чем мужчины; они находят ее в секте среди равных себе судьбою и настроением. В той же Красной Горке на моление мужчины вообще не пришли, а глава секты (*пресвитер*, как его называют) велел, чтобы женщины сами управлялись. Наиболее активная среди них по имени Катерина довольно успешно справилась с чтением молитв, предварительно испросив у Бога прощение за то, что нехотя посягнула на мужскую привилегию. После

моления она пригласила меня к себе домой и начался привычный мне исповедальный рассказ об одиночестве пожилой женщины. В таких случаях приходится и мне отвечать на встречные вопросы о моей жизни, на что у меня для каждого конкретного случая припасена «легенда».

Есть определенная закономерность в степени сохранения религиозности среди сектантов, точнее – в степени ощущения нужности для человека принадлежать к данному сообществу. Первым пунктом следует назвать уже упомянутую тягу к общению и к утешению. В этом смысле я приветствую установку: если тебе плохо, найди такого человека, которому хуже, чем тебе и помоги ему. Очень мудро! Я повторяю этот совет москвичкам, жалующимся в моем присутствии на жизненные свои затруднения. Значит, из этнографического путешествия можно почерпнуть что-либо лично полезное.

Второе обстоятельство, спланивающее сектантов, – это необходимость сообща защищаться от внешних неблагоприятных ситуаций. Такое настроение больше чувствуется в русских селах Азербайджана, чем в Армении и Грузии (говорю о тех селах, которые посещали наши отряды, о других селах не знаю, кроме того речь идет об обстоятельствах десятилетней давности, на это сегодня следует сделать поправку). А в русском селе Новоголовка (Джалилабадский район Азербайджана) во время нашего пребывания жило сравнительно много азербайджанцев, постепенно, покупая дома и участки выезжавших русских, они изменяли облик села.

Типичный дом в молоканском селе Новоивановка Кедабекского района, 1987 г. (фото Н.М. Лебедевой)

Если русский человек хочет усовершенствовать свой дом, он пристраивает к его одноэтажному объему дополнительные помещения, закрывает стеклянной стенкой открытую террасу, обустраивает баню. Окружающее пространство – будь то участок внутри его открытой со стороны улицы усадьбы или кусочек улицы перед домом – он тоже расчистит, озеленит, обиходит, поставит скамейку у ворот. Азербайджанец строит сразу большой многокомнатный дом – в полтора или в два с половиной этажа: нижний полуэтаж предназначен для хранения свежих и консервированных овощей, фруктов, в жилой этаж надо подыматься по лесенке. В таком доме, достроенном, но еще не обставленном, жили и мы, его отдал в наше распоряжение один из местных сельских руководителей, с которым начальник нашего отря-

да Владимир Большаков, человек контактный и деловой, установил дружеские отношения.

В окнах азербайджанских домов видны были кондиционеры – на зависть нам, изнывавшим от жары. Каждая средняя по достатку азербайджанская невеста должна была в своем приданом (кроме всего прочего) иметь три предмета: кондиционер, холодильник и телевизор. Большие дома окружены плотным забором, в распахивающиеся ворота можно боковым зрением увидеть ухоженный затененный садик. Да, это понятие о пространстве, характерное для мусульманского мира, знакомое мне по балканским маршрутам: освоенное пространство внутри домовладения и пыльные улицы и пустыри вне его. Эти огромные дома с характерной орнаментацией оконных проемов мне хотелось сравнивать со стадом слонов, своей тяжелой неотвратимой поступью растаптывающих человеческое поселение.

Однажды я была на улице, сплошь застроенной домами азербайджанцев. Собралась довольно большая компания жителей, разговор был самый дружелюбный, однако ни в один дом мне не удалось проникнуть. Молодой мужчина не прочь был провести меня в свой дом, но его мать категорически воспротивилась. Это было для меня неожиданным и в какой-то мере неприятным происшествием: я привыкла к большей открытости в мусульманских зонах Балкан, на Северном Кавказе (в Дагестане, например), в Аджарии.

Но, конечно, не эти детали волновали тогда русское старожильческое население, а общая установка на право азербайджанцев на руководство решительно всем – от правительства республики до колхозной кузницы. Некоторые русские наши собеседники не могли точно сформулировать свои ощущения общей неуверенности, психологического дискомфорта, а иные его вообще не

замечали. Наиболее четко это состояние обрисовал пожилой житель Новоголовки, ветеран Великой Отечественной войны, большой друг нашей экспедиции, который нашу Надежду Григулевич называл своей внучкой.

В Грузии в те времена была также установка на то, чтобы руководителями на всех уровнях были люди своей грузинской национальности, но она проводилась не так жестко как в Азербайджане.

На первых этапах водворения русских в Закавказье, когда они должны были устанавливать доверительные отношения с местным населением, имела место не только экологическая адаптация, но и социальная. Пожилые люди а наше время еще помнили о дружеских связях с азербайджанцами соседствовавших местностей в первой половине XX века. Мы называем эти связи *куначеством*, они говорили «*знакомство*». Справедливости ради следует заметить, что весьма дружеские отношения между непосредственными соседями, особенно женщинами, были и в годы нашего пребывания.

Общий вывод из наблюдений в Закавказье, так же как и в других местностях нашей страны: так называемый «суверенитет» никому пользы не принес.

Малочисленные общины сектантов менее устойчивы, чем крупные. Следовательно, численность – это третье условие их существования. В этом можно было убедиться на примере субботников и геров, живших в селе Привольное в том же Джалилабадском районе Азербайджана. Геры – эти русские иудаисты – особенно чувствуют свою маргинальность: за пределами родного села, особенно выезжая в города, они не то, чтобы скрывают, но и не афишируют свою принадлежность к секте и при удобных обстоятельствах меняют еврейские имена на русские.

Главной же причиной сохранения или ослабления порядков внутри сектантской общины надо признать внутренние взаимоотношения его членов, личности руководящих деятелей (известный во все времена феномен – роль личности в истории). Не следует мыслить схематично: якобы с течением времени и с переменами в государственной идеологии значение религиозной секты само собой уменьшается. Отнюдь нет: все зависит от конкретных условий. Сопоставим две сектантские общины - в селах Фиолетово (Армения) и Ульяновка (Грузия).

В селе Фиолетово – родине известного основателя секты прыгунов Максима Рудометкина – незадолго до нашего приезда верх взяла группа людей старшего возраста, фанатично преданных догматам секты. До того времени, - рассказывали нам сельчане, - порядки были менее строгими. Молодые люди, пока учились в школе, посещали кинотеатр, участвовали в танцах, вели обычную для их возраста жизнь. Наш отряд жил в здании школы, судя по ее размерам и внешней ухоженности, это была неплохая школа. После женитьбы (а женились здесь в молодом возрасте на своих же односельчанках) все круто менялось: прерывалось всякое молодежное общение, мужчины отпускали бороды, сосредотачивались на домашнем хозяйстве. Телевизоры и радиоприемники находились под запретом. Старшины секты держали людей в строгости. С одним из них я имела неоднократные продолжительные беседы. Статный, не очень старый человек с седой благообразной бородой, хозяин чисто прибранного благоустроенного дома (в этой пересеченной местности при большой влажности почвы дома строят в два этажа, из которых жилой – верхний), он держался с большим достоинством и в то же время чрезвычайно внимательно по отношению ко

мне. К нему несколько раз прибегал суетливый немолодой человечек, задавал множество одних и тех же вопросов: он хотел устроить в своем доме поминки по какому-то родственнику и никак не мог взять в толк все необходимые детали этого дела. Хозяин дома разъяснял ему существующие порядки, давал советы – терпеливо, но не без чувства собственного превосходства.

Моими хорошими собеседниками (на профессиональном языке мы их называем *информаторами*) была чета местных учителей. Они ощущали свое двойственное положение: с одной стороны они лично не принадлежали к секте, наблюдали за ней как бы со стороны, а с другой – должны были считаться со всеми порядками, соблюдать, так сказать, «правила игры». Они то и поведали мне, что в селе не так уж все подчиняется этим правилам: прячут телевизоры в чуланы и тайно смотрят передачи, допускают и другие вольности. Раньше, – сообщали они, – жизнь была более свободной.

В большом селе Ульяновке (Сигнахский район Грузии) сложились иные отношения. Конечно, везде и давно нарушен первоначальный принцип многих сект – общее равенство, его заменил новый – уважение к личному достатку, приобретенному трудом. И все же от руководителей секты всегда требуется бескорыстное служение общественным интересам. Пресвитер же в Ульяновке не отвечал этим требованиям: его упрекали в корыстолюбии, его жену – в стремлении извлекать выгоду из общественного положения мужа. Это отталкивает людей от сектантского сообщества, вносит смуту в их сознание. Мне тоже не понравился этот пресвитер, который окриком, попреками старался навести порядок в рядах своей паствы.

В селах, где вся жизнь людей проходит на глазах друг друга, авторитет руководителя секты зависит не

только от его личных качеств, но и от общественного мнения по отношению к его семье, роду. Жители села примыкают к той секте, которая в нем существует, действует, к которой принадлежали их родители. Не так в городах, где члены секты живут разобщенно. Там более ярко высвечиваемая личность активиста. В 1992 г. мы с Анатолием Ямсковым работали в городах и пригородных селах Северной Осетии и Ставропольского края. Мы обратили внимание на внешний облик мужчин-активистов: все они рабочие, занимаются неквалифицированным трудом, а по их внешнему облику, одежде, манере держаться, по литературной речи и т.п. их можно принять за учителей, служащих, прочих образованных людей. Очевидно, к секте примыкают люди, во-первых, в зрелом возрасте, когда обуревают размышления о смысле жизни, во-вторых, те, кто умеет и хочет думать, оценивать, сравнивать с порядками христианских церковных общин и делает выбор в пользу беспоповских сект.

На Северном Кавказе нет таких гомогенных сообществ, какие возникали при административном выселении сектантов «за Кавказ». Здесь собрались люди различной судьбы: потомки беженцев из Карской области, покинувшие места постоянного проживания, после того как они в 1921 г. отошли от России к Турции; выходцы из этой области уже после Второй мировой войны, привлеченные рассказами и кинофильмами о том, как хорошо живет трудящийся в СССР (к этому добавлялось еще и опасение кровнородственного смешения из-за ограниченных возможностей в выборе брачного партнера); эмигранты из Закавказья последнего десятилетия XX в. – разной религиозной принадлежности. Эти последние вынуждены устраиваться отдельными семьями в зависимости от личных возможностей, они пыта-

ются найти среди новых своих соседей единомышленников по вере или по крайней мере примкнуть к секте с установками, более или менее близкими к их прежнему сообществу. В этой ситуации можно наблюдать селение самых различных вариантов в религиозных, этических и бытовых установках повседневной жизни.

Такое смешение – повседневно наблюдаемая закономерность развития этнической культуры («чистой» этнической культуры без сторонних включений вообще не существует). Наиболее она ощутима в населенных пунктах с многоэтническим составом. Рассуждая об этой закономерности, следует вернуться к охарактеризованному уже селу Ульяновка в Грузии.

Село Ульяновка – сравнительно большое, состоящее из нескольких в разных направлениях пересекающихся улиц, не очень опрятное. Оно уже этим отличается от небольшого Фиолетова, аккуратные дома которого почти все выстроены вдоль главной улицы. Но основное отличие его – близкое соседство с грузинским селом Магаро. Более разнообразные занятия жителей, дающие большие экономические возможности, отъезд значительного числа молодежи в другие места в поисках заработков, активное общение с людьми другой культуры вплоть до смешанных браков – все это создает специфическое многослойное общество, крайне любопытное для этнографа.

Обширность села чувствовалась уже с первых дней нашего пребывания: мы поместились в школе – большом трехэтажном здании (начальник отряда Анатолий Ямсков всегда предпочитал раскидывать бивуак именно в школьных помещениях, там мы могли вести себя более автономно). Пионерская комната на первом этаже служила нам кухней, столовой, складом вещей,

местом общего сбора, а спали мы на третьем этаже, там, где располагались спальни школьников с «продленки».

Секта («духовные» или «общие молокане») не охватывает все население (в отличие от Фиолетова и других небольших сел). Но семейные обычаи в значительной степени оформлены именно по молоканскому чину. Мне довелось присутствовать на свадьбе, на похоронах и на поминках и наблюдать чрезвычайное смешение разнохарактерных элементов. Это отнюдь не местное явление, а скорее закономерное. Этнографы, которые берутся описывать тот или иной обряд как «элемент этнической культуры» должны проявлять чрезвычайную осторожность. Недавно в московском автобусе я слышала разговор двух молодых женщин, одна из них только что отпраздновала свадьбу, а другая собиралась сделать это в ближайшие дни. Боже! Какая эклектика! Они, конечно, не знали, что означает тот или иной жест или прием, но знали, что «все так делают» и наговорили много ерунды. Одно ясно: люди нуждаются в обрядности, которая отличает праздник от повседневности и это очень хорошо. Замечу попутно, что ослабление семейных уз в первые годы советской власти помимо других, более основательных причин, сопровождалось еще и снижением уровня символики, когда поход в ЗАГС «расписаться» выглядел также буднично как внесение квартирной платы в конторе.

Жители Ульяновки делят каждый семейный обряд на две части: одну специфически молоканскую и другую «общепринятую». Все они по-своему примечательны. Остановлюсь только на поминках, так как я довольно близко сошлась с вдовой усопшего – русской женщиной, не состоявшей в секте, но считавшей своей обязанностью чтить молоканские обычаи в память мужа. Обряд погребения в Ульяновке отступает от традиций

молоканской веры. Ведь по этим правилам усопших нельзя тревожить, на кладбище должен царить вечный покой. Надгробных крестов молokane не признают, надмогильных сооружений тоже. Трудно представить более унылую картину, чем кладбище в том же Фиолетово: на деревянном шесте металлическая пластина с надписью, заключенная в металлический футляр, предохраняющий ее от дождя и снега (издали кажется, что в землю воткнуты лопаты рабочей частью вверх), бурьян и прочая сорная трава вокруг, тишина и полная заброшенность. Возможно, это и есть представление об отлетевшей душе в противоположность православному обычаю, до краев насыщенному языческими символами.

Именно такая символика господствовала на ульяновском кладбище, где молokane покоятся под гранитными памятниками, снабженными надписями и портретами усопших, окруженными оградами, цветниками. На этот раз над могилой раздавались душераздирающие причитания матери, вдовы, родственницы. Разбрасывались остатки поминальной пищи, мужчины выпивали и т.п. Все это напомнило мне современное мусульманское кладбище в Аджарии, где, по грузинской манере, тоже воздвигаются надмогильные плиты с портретами. Это меня тогда крайне удивило. Очевидно неточно мнение этнографов, что в погребальных обрядах сохраняются самые глубинные слои этнической культуры: суперстрат (если выражаться научным языком), мода (если употреблять обыденную речь) сильны.

Поминальное застолье повторялось дважды. Одно было устроено во дворе дома покойного. На длинном ряду столов были выставлены горячительные напитки, всевозможные закуски, русские и грузинские яства. Присутствовавшие добрым словом поминали усопшего, не забывая между тем поесть и попить. Руководил пир-

шеством пожилой уважаемый человек, которого по всем правилам грузинского застолья, следует назвать тамадой. После небольшого перерыва все направились в модельный дом, где поминки совершались по молоканским правилам с неременной ритуальной лапшей на столах, где царил строгая и скорбная атмосфера. Интересно, что в обоих застольях участвовали одни и те же люди, но разительно изменилась их манера держаться – скромно, уважительно друг к другу, говорить приглушенными голосами, есть не спеша, как бы священнодействуя. Руководили здесь совсем другие люди – уважаемые молокане. Культура того или иного этикета реализуется людьми соответственно конкретным обстоятельства, что также необходимо учитывать, в комплексе этнической культуры.

Идея развернуть этноэкологические исследования среди русских сектантов Кавказа оказалась очень удачной и принесла хорошие результаты. Они высветили целый ряд взаимосвязанных проблем – исторического, этнопсихологического, биологического порядка многого другого. Ни в каких иных обстоятельствах коллектив исследователей не спланивается так, как в условиях полевого быта. По традиции маршруты заканчивались на побережье Черного моря у последнего лагерного костра под плеск морских волн.

Со времени, когда разворачивались этноэкологические исследования на Кавказе, протекло полтора десятилетия, на которые пришлось грандиозные перемены в жизни страны и соответственно в направлении научных изысканий. Очевидно ныне наибольший интерес для нас должна представлять проблема эмиграции русского старожильческого населения из стран Закавказья в пределы России и механизмы его адаптации к новым условиям – прежде всего социальные адаптационные

процессы, с которыми, естественно, коррелируют хозяйственно-бытовые проблемы. Способы добывания средств существования (а это один из главных пунктов этноэкологии) меняются со временем. Наши старые знакомые – духоборы Закавказья, компактной группой мигрировавшие в Тамбовскую область, судя по сведениям, остались приверженцами крестьянского хозяйства, а те, кто расселился отдельными семьями в пределах Северного Кавказа (с которыми мы отчасти познакомились в Ставропольском крае еще 10 лет назад), в значительной степени обратились к иным источникам существования. Земля – земельные обрабатываемые угодья – в пределах европейской части страны в течение последних десятилетий утратила значение основного обеспечения жизни даже в сельской местности.

Историки и социологи Краснодарского края отмечают сейчас такую закономерность: русские мигранты из стран Закавказья быстрее адаптируются в новых социальных условиях, чем бывшие жители Кавказа иной этнической принадлежности. Этот факт тоже принадлежит к области экологических проблем.

Когда и где этноэкологи раскинут свой новый лагерь и при свете бивуачного костра предадутся воспоминаниям о путешествиях по Закавказью ?

